

АКАДЕМИК Е.В.ТАРЛЕ И ВЛАСТЬ

Письма историка И.В.Сталину и Г.М.Маленкову.
1937–1950 гг.

В изучении биографии Е.В.Тарле, начатой в середине 60-х годов XX столетия¹, большое значение играет его эпистолярное наследие. В течение своей жизни Евгений Викторович переписывался со многими известными деятелями науки, культуры и искусства. С большинством из них он поддерживал личные дружеские отношения. Корреспонденция Тарле позволила его биографам наиболее полно воспроизвести этапы творческого пути ученого, историю создания крупнейших монографий, показать не только крупного специалиста исторической науки, но и неординарную личность, общественного деятеля, патриота своей Родины. Часть этой, расщепленной более чем по 30 фондам архивов и отделов рукописей библиотек Москвы, Ленинграда, Киева, переписки Тарле уже составляла предмет отдельных публикаций². Последние жизнеописания, основанные на документальных источниках из ранее закрытых архивных фондов, приподняли завесу умолчания над некоторыми страницами жизни ученого. Во многом они развенчали сложившиеся в застойные годы представления о Тарле, как исключительно «благополучном» официальном историке, находившимся в полной гармонии с властью предрежущими.

Среди документов, позволивших по-новому взглянуть на неизвестного ранее Тарле, определенное место заняла его официальная переписка. Адресатами маститого академика были не только его единомышленники, соратники и друзья. По различным жизненно важным вопросам Евгению Викторовичу неоднократно приходилось апеллировать в высшие государственные и партийные инстанции. Зачастую это вызывалось необходимостью доказывать свою лояльность к политическому режиму, чтобы избежать причисления к сонму «еретиков».

Письменные обращения Тарле к руководству партии и страны интересны не только с точки зрения иллюстрации нюансов жизненного пути одного из столпов отечественной историографии. В сущности, они являют собой ценнейший материал

¹ См.: Антюхина-Московченко В.И. Ученый-патриот Е.В.Тарле // Новая и новейшая история. 1966. № 4. С. 26–41; Рутенбург В.И. Тарле — ученый и общественный деятель // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 5–17; Троицкий Н.А. Евгений Викторович Тарле. 1875—1955// Историографический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 3–57; Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977 и др.

² См.: Цыпкина З.М. Два письма Тарле // Французский ежегодник. 1965. М., 1966. С. 282–285; Из писем Е.В.Тарле Е.Л.Ланну и своим ученикам // Проблемы истории международных отношений. М., 1972. С. 79–87; Шумейко М.Ф. Письма Е.В.Тарле В.Я.Богучарскому// Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 357–360; Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. М., 1981. С. 164–269; «Это был Евгений Викторович Тарле...». Письма [историка к Л.Е.Белозерской-Булгаковой, 1936–1952 гг.] // Звезда. 1993. № 9. С. 160–170; Каганович Б.С. Письма академика Е.В.Тарле к А.Д.Люблинской // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 153–161.

для изучения условий, определявших магистральные направления развития советской исторической науки с конца 20-х до середины 50-х гг. XX столетия. Извлеченная из фондов различных архивохранилищ, переписка Тарле с руководящими партийными и государственными органами может составить ценную документальную коллекцию, имеющую важное значение для понимания проблемы взаимоотношений научной интеллигенции и власти в тоталитарном государстве.

Письма Евгения Викторовича к И.В.Сталину, М.Н.Покровскому, нарком просвещения В.П.Потемкину, секретарям ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову, М.А.Суслову, А.С.Шербакову стали известны широкой общественности благодаря архивным изысканиям Б.С.Кагановича, Н.А.Троицкого, Е.И.Чапкевича, А.А.Чернобаева и других историков, использовавших официальную переписку Тарле в своих работах³. Три письма Тарле к вождям, недавно опубликованные В.Д.Есаковым⁴, свидетельствовали о наличии скрытых резервов для углубленного изучения этой стороны биографии выдающегося ученого. Продолжая уже вполне сложившуюся традицию, мы публикуем письма Тарле к И.В.Сталину и Г.М.Маленкову. Выносимые на суд читателя документы ныне хранятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Два письма, написанные Тарле в 1937 г. к Сталину, отложились в единице архивного хранения, озаглавленной «Переписка Сталина И.В. с Тарле Е.В.»⁵. В 1999 г. эта переписка была рассекречена и вместе с комплексом других документов передана в РГАСПИ из Архива Президента РФ. В деле в хронологической последовательности подшито несколько документов. Первый из них — письмо Сталина к Тарле от 30 июня 1937 г. Оно написано по поводу разгромных статей в «Правде» и «Известиях» на первое издание книги Тарле «Наполеон»⁶. Полный текст письма

³ См.: Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В.П.Леонов. СПб., 1993. Вып. I. С. XXXVII; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 83; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991. С. 47; Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». Жизнь и деятельность академика Е.В.Тарле. М., 1994. С. 153, 167; Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М., 1992. С. 207.

⁴ См.: Есаков В.Д. Три письма Е.В.Тарле вождям (1934—1938) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 106—111.

⁵ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807.

⁶ Рецензии были опубликованы одновременно 10 июня 1937 г., однако уже на следующий день, из-за вмешательства Сталина, газеты поместили редакционные опровержения. В письме Сталин предоставлял историку возможность определить форму и место ответной публикации на критические выступления «Правды» и «Известий». Этот исторический сюжет уже обстоятельно изучен в литературе 90-х гг. (См.: Чернецовский Ю. Как Сталин спас Наполеона: Страницы биографии академика Тарле // Советская культура. 1989. 5 декабря; Чапкевич Е. И. Страницы биографии академика Е.В.Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 47—48; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 43—46; Кен О.Н. «Работа по истории» и стратегия авторитаризма. 1935—1937 // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. СПб., 1997. С. 108—117; он же. Между Цезарем и Чингисханом. «Наполеон» Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х гг. // Клио. СПб., 1998. № 3(6). С. 67—83 и др.).

опубликован Б.С.Кагановичем⁷. Документ вводился в научный оборот по первому экземпляру машинописной копии, подписанной Сталиным и отправленной Тарле⁸. Теперь установлен первоисточник — карандашный автограф сталинского письма⁹. Вместе со вторым экземпляром его машинописной копии он хранится в данном архивном деле.

До настоящего времени оставалось неизвестным, что 6 июля 1937 г. из Ленинграда историк отправил И.В.Сталину ответное, благодарственное письмо. Оно подшито к сталинскому посланию от 30 июня 1937 г. и представляет собой автограф, выполненный чернилами на стандартном листе линованной бумаги¹⁰. Фабула послания объясняет, почему Тарле, несмотря на поддержку, открыто не вступил в полемику со своими рецензентами: покровительство Сталина, столь явно выраженное в письме от 30 июня, делало для него такую дискуссию неактуальной. Ведь протекция вождя давала определенные гарантии личной неприкосновенности и перспективу дальнейшей научной деятельности. В духе своего времени, Тарле пытался закрепить проявленное к нему свыше благосклонное расположение. Отсюда его заверения «с еще большей энергией работать» над выполнением сталинских указаний «касательно преподавательской и исследовательской работы в области истории». Содержащиеся здесь экспрессивно-нелицеприятные характеристики положения дел на историческом «фронте» и «личного состава наших историков» можно объяснить стремлением автора письма усилить внимание адресата к верноподданническим заявлениям. Содержание краткой резолюции Сталина свидетельствует о том, что вождь остался вполне удовлетворенным сделанными Тарле увещеваниями.

Как мы уже упомянули, историк писал не только Сталину, но и другим высокопоставленным партийным чиновникам. Одно из таких посланий Тарле, к Г.М.Маленкову от 18 сентября 1945 г., отложилось в «запасниках» архивных документов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Оно не было заявлено в заголовок архивного дела. По этой причине документ остался незамеченным для ведущих биографов Тарле — Е.И.Чапкевича и Б.С.Кагановича, известных обстоятельной проработкой архивов в ходе создания своих монографий. Наше знакомство с данным источником также оказалось скорее счастливой случайностью, нежели результатом целенаправленных архивных изысканий. Письмо представляет собой автограф, выполненный чернилами на официальном бланке Тарле. Первый лист содержит резолюцию М.А.Суслова.

Письмо историка к секретарю ПК ВКП(б) Маленкову связано с критикой известной работы Тарле «Крымская война», прозвучавшей со страниц партийного журнала «Большевик»¹¹. Резкие выпады, допущенные в публикации против научных воззрений ученого, заставили его «искать правды» в вышестоящей инстанции.

В историографии причины критики в адрес «Крымской войны» объяснялись по-разному. В период «застойных лет» этого вопроса касались весьма осторожно, не акцентируя внимания на острых вопросах¹². В середине 90-х гг. сюжет с рецен-

⁷ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 59.

⁸ Письмо хранится в фонде Е.В.Тарле в Архиве РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 85.

⁹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3—3об.

¹¹ См.: Яковлев Н. О книге Е.В.Тарле «Крымская война» // Большевик. 1945. № 13. С. 63–72.

¹² Так, Е.И.Чапкевич в своей первой монографии о Е.В.Тарле, написанной в 1977 г., критику этой работы в печати связывал только с недостаточным осве-

зированием «Крымской войны» гораздо обстоятельней проанализировал и дополнил Б.С.Каганович. Он особо выделил публикацию «Большевика», связав ее с проводимым в 1944 г. в ЦК ВКП(б) совещанием ведущих советских историков. По мнению исследователя, критической статьей ЦК партии выразил свое отношение к спору историков, разгоревшемуся на совещании¹³. Правда, достаточно веских доводов в обоснование этой точки зрения не приводилось.

Письмо Тарле Маленкову позволяет более аргументировано прояснить данный вопрос. На особое положение критической рецензии партийного журнала указывает сам факт обращения историка непосредственно в ЦК ВКП(б). Если с предыдущими рецензентами автор «Крымской войны» полемизировал в печати¹⁴, то после публикации в «Большевике» он обращается за разъяснениями непосредственно к секретарю ЦК, курирующему разработку идеологических вопросов партии. В письме сквозит явная озабоченность тем, как партийное руководство оценивает его научную деятельность. Поэтому он спрашивает конкретно: чем является статья, личным ли суждением ее автора, или указанием, что «моя (Тарле - И.Ш.) исследовательская деятельность вообще признается ненужной... доверяют ли мне или нет?». Ясно, будь Тарле уверен, что партийный критик выражает собственную точку зрения, он дал бы ответную публикацию, а не выяснял бы отношения в Центральном Комитете. Письмо академика к Маленкову показывает, что такой уверенности у Евгения Викторовича не было. Скорее всего, ученый подспудно связывал подоплеку журнальной критики с предшествующими дискуссиями на совещании историков в ЦК.

щением в ней русского общественного мнения о войне. О статье в «Большевике» в данном случае вообще не упоминалось. В последующем Чапкевич считал, что критические замечания советских историков в адрес первого издания «Крымской войны» были вызваны отсутствием анализа экономических факторов. При этом статья в «Большевике» была поставлена в один ряд с рецензиями Н.М.Дружинина и А.М.Панкратовой. Чапкевич не обратил внимания, что в партийном журнале рецензировалось не первое, а повторное издание книги и критика по ряду вопросов имела принципиальные отличия от других оппонентов (См.: Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле. С. 104—105; он же. «Пока из рук не выпало перо...». С. 139, 187).

¹³ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 83—84. Относительно недавно были уточнены сроки проведения указанного совещания — с 1 июня по 8 июля (с перерывами) 1944 г. Из последних публикаций известно, что поводом для его созыва послужила попытка историков переосмыслить внешнюю политику Российской империи в XIX в. В русле новых веяний Тарле ратовал за пересмотр ряда устоявшихся в советской историографии положений. Одним из них Евгений Викторович считал ставший к тому времени классическим вывод Ф.Энгельса о царской России, как жандарме Европы. Кроме того, территориальные приобретения России в XIX в. Тарле расценивал как важнейший фактор победы советского народа над фашистской Германией. Эти и некоторые другие взгляды историка, в том числе и на Крымскую войну, критиковались в ходе завязавшейся на совещании 1944 г. дискуссии (Подробнее о совещании историков и участии в нем Е.В.Тарле см.: Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / Публ. И.В.Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188—205; Каганович Б.С. Указ. соч. С. 80—83; Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 152—153.

¹⁴ См.: Тарле Е.В. О Крымской войне // Исторический журнал. 1945. № 4. С. 112—113; Дружинин Н.М. Основные вопросы истории Крымской войны // Там же. С. 113—120.

Отсюда и постановка вопроса о партийном доверии *вообще*, и, вполне объяснимая, тревога, что его «научной и общественной деятельности, очевидно, отныне будут чиниться препятствия».

Содержание письма раскрывает еще один факт, не упомянутый ни в одном сочинении о творческой деятельности маститого академика. Это касается вопроса об участии Тарле в работе журнала «Вопросы истории». Как видно из письма, ученый являлся одним из организаторов нового периодического издания. Поэтому он, вполне оправданно, видел себя в качестве члена редакционной коллегии. Задержку с изданием в руководящий орган журнала историк связывал с общей позицией ЦК в отношении своей научной деятельности.

Резолюция М.А.Суслова, оставленная на документе, не дает четкого представления о том, как в дальнейшем развивались события. По архивным документам проследить этот вопрос не удалось. Возможно, исполнитель должен был учесть замечания Тарле при разработке партийных документов, или подготовить ответ историку с разъяснением позиции партии по поводу критики его работы. Так или иначе, Тарле с учетом позиции партийного журнала существенно переработал и дополнил новое издание «Крымской войны»¹⁵. На этот раз инцидент не получил громкой огласки и был исчерпан.

В 1950 г. Тарле еще раз обращался к Сталину. Очередное послание вождю было связано с окончанием работы историка над книгой «Шведское нашествие на Россию в 1708—1709 гг.». Известно, что данное сочинение писалось по поручению Сталина и являлось первой частью задуманной вождем трилогии «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII—XX вв.». 12 июня 1950 г. ученый, вместе с сопроводительным письмом, представил рукопись на суд заказчика. Ранее этот факт в литературе не упоминался, поскольку не имел документального подтверждения.

Письмо исполнено в двух экземплярах: автограф на официальном бланке историка¹⁶ и машинописная копия с отметками Сталина и его резолюцией¹⁷. Рукопись книги, приложенная к письму, составила три единицы архивного хранения¹⁸. Наше знакомство с документами и литературой, прошедшими через сталинские руки, свидетельствует о том, что он, практически всегда, оставлял на них свои отметки. В рукописи Тарле, выполненной по сталинскому же заказу, таковые отсутствуют. С учетом крайне неопределенной резолюции на сопроводительном письме можно утверждать, что Сталин глубоко не вникнул в содержание нового труда. По всей видимости, загруженность работой и состояние здоровья не оставляли ему времени для углубленной проработки данного сочинения. Вероятно, Сталин предполагал переадресовать работу Тарле для рецензирования, но в последний момент отказался от этой мысли, оставив рукопись у себя. Отсутствие четких указаний вождя может служить объяснением, почему публикация «Шведского нашествия на Россию в 1708—1709 гг.» была задержана и работа увидела свет под другим заглавием лишь в 1958 г.¹⁹

Письма публикуются по правилам современной орфографии, с сохранением стилистических особенностей документов. Слова, подчеркнутые в оригинале, выделены курсивом.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук И.А.ШЕИН.

¹⁵ См.: Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.— Л., 1950.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 808, 809, 810.

¹⁹ См.: Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

№ 1

Е.В.Тарле — И.В.Сталину

*Ленинград 41, Набережная 9 января, 30, кв. 4**6 июля 1937 г.*

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Позвольте выразить Вам свою глубочайшую благодарность за Ваше письмо. Теперь, когда для меня ясно отношение Ваше и партии к данному вопросу, дальнейшая полемика против Кутузова и Константинова¹ в самом деле потеряла для меня всякий интерес, и я лишь попутно коснусь чисто фактических их извращений во 2-м издании «Наполеона».

Ваше внимание побудит меня с еще большей энергией работать на нашем очень неблагоприятном историческом фронте, над делом проведения в жизнь Ваших неоднократных, но до сих пор фактически почти вовсе не выполняемых указаний касательно преподавательской и исследовательской работы в области истории.

Вы указали прямой и широкий выход из тупика, куда заведена была советская историография, но до сих пор нынешний слабый и количественно и качественно личный состав наших историков почти ровно ничего не сделал, чтобы в самом деле не только на словах пойти по указанному пути и завоевать советской историографии подобающее ей высокое место в мировой науке.

Еще раз, благодарю Вас, глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович. Только мое болезненное состояние (перед хирургической операцией) помешало мне в тот же день ответить на поразившее меня Ваше письмо.

Искренне и глубоко Вас почитающий

Евг. Тарле

На первой странице в левой верхней части резолюция И.В.Сталина: «Архив».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 807. Л. 3–Зоб. Автограф.

№ 2

Е.В.Тарле — Г.М.Маленкову

*Москва, 72. Дом правительства, кв. 188**18 сентября 1945 г.*

Уважаемый Георгий Максимилианович.

Пишу к Вам с целью выяснить жизненно важный для меня вопрос, который, поскольку и партия и правительство постоянно требуют от меня работы, не лишен, может быть, и некоторого общего значения.

Я академик, дважды лауреат Сталинской премии 1-й степени, член Чрезвычайной государств[енной] комиссии по расследованию немецких злодеяний, работаю в одной из комиссий НКВД; заведую кафедрой (по назначению В.М.Молотова) в Институте международных отношений, сотрудник «Известий» и «Нового времени» (б. «Война и рабоч[ий]

класс»), меня лично вызвал и поручил мне *очень* ответственную статью И.В.Сталин (для II тома «Истории дипломатии»), которую я и написал.

К изумлению (не только моему) Н.Яковлев² поместил в ж[урнале] «Большевик» месяца два тому назад рецензию на мой труд о Крымской войне, в которой буквально *ни одно* возражение не имеет иных оснований, кроме небрежного чтения Яковлевым моей книги, ибо решительно все, что он считает пропущенным в моей книге, там есть³.

Конечно, цитировать ругань Энгельса, укорявшего русскую армию в Севастополе, я не мог и не хотел. Н.Яковлев, очевидно, не прочел статьи Иосифа Виссарионовича об ошибках Энгельса (в майской книжке «Большевика» за 1941 год)⁴. Что касается общих установок моего двухтомного исследования, то достаточно вспомнить, что именно *эта* вводная большая глава напечатана в журнале «Большевик». Таков был прием со стороны Н. Яковлева, который сам признает мой труд «ценным». Это ничуть не помешало его резкостям.

Теперь — последствия такого рода выступления. Основывается журнал «Вопросы истории»; когда мы принимали во время 220-летнего юбилея⁵ иностранных ученых, они ликовали по тому поводу, что, наконец, у нас будет научный исторический журнал, который выступит на настоящую научную борьбу против европейских (и американских) фальсификаций истории. Что я буду одним из членов редакции этого журнала, никто из европейских, ни из советских историков не сомневался. Но после такого явления; как статья в «Большевике», мое приглашение в редакцию оказалось, очевидно, «неудобным». А одновременно, редакция официально просит меня давать отзывы на поступающие рукописи и очень просит дать им старые. Я не могу давать им ни того, ни другого — не зная, что означает мое неприглашение в редакцию (где 11 человек) и не зная, чем является абсолютно немотивированная, по существу, статья Яковлева: личным ли его суждением, или указанием, что моя исследовательская деятельность вообще признается ненужной, хотя именно за труд о Крымской войне мне была единогласно присуждена Сталинская премия 1-й степени, и хотя у нас научных исследований по истории являлось за последние годы крайне мало. Я веду и большую лекционную работу, выступаю по настоянию А.Я.Вышинского⁶ в Колонном зале, выступаю *постоянно* в закрытых лекциях в военных учреждениях, в клубах НКВД, на курсах НКВД, и чуть не ежедневно Совинформбюро и Радиокomitee требуют от меня выступлений по радио для Европы и Америки.

Мне для спокойной работы нужно знать: доверяют ли мне или нет? Правильно ли или ошибочно неприглашение меня в редакцию журнала (хотя редакция этой работы от меня хочет), — того журнала, о создании которого я так давно хлопотал и мечтал. Я состою членом Британской Академии наук (с сентября 1944 г.), почетным доктором французских университетов, дважды Сталинским лауреатом и мне представляется абсолютно незаслуженным оскорблением и статья Н.Яковлева, и те, особенно, «оргвыводы», которые из этой статьи делаются.

Моей научной и общественной деятельности, очевидно, отныне будут чиниться препятствия, которые пользы ни с какой стороны не принесут. Выходит так: потрачено несколько лет упорнейшего архивного труда, написано два больших тома, где совсем по новому и по новым, мной найденным материалам, освещен узловый момент истории XIX века, — все это заслуживает только вот того, что автор получил от Н.Яковлева, и, следовательно, спокойнее было бы ровно ничего не делать или повторять старые шаблоны?

В наши сталинские времена мы должны выйти на научную арену для борьбы за марксистско-ленинские идеалы, за историческую философию классиков марксизма, против «научных» фальсификаторов, оставшихся в таком изобилии от гитлеровщины в центральной Европе, от лавалевщины во Франции, от махрового фашизма в США.

Мы должны идти на эту борьбу во всеоружии научного авторитета, и он у нас есть (мои книги переведены на 8 иностранных языков), — и в это самое время наш авторитет подкашивается такими неожиданными и ничем не вызванными выступлениями, как статья Н.Яковлева, и вызванное ею устранение из единственно у нас исторического органа такого человека, который на этом научном боевом советском посту был бы определенно нужен.

Советские историки глубоко чтут Вас и Вас мы все (я говорю не только от своего имени) знаем, уважаем и любим⁷. Я хотел лично говорить с Вами, но предпочел не отнимать у Вас время своим визитом. Отдаю на Ваш суд свои недоумения.

Вам преданный

Е.В. Тарле

На первом листе письма резолюция М.А.Суслова: «Поручено т. Горю децкому* (Управление пропаганды и агитации ЦК). Суслов. 11. 12.1945».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 108-110об. Автограф.

№ 3

Е.В.Тарле — И.В.Сталину

Москва

12 июня 1950 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович!

Препровождаю Вам экземпляр моего исследования «Шведское нашествие на Россию в 1708—1709 гг.»^а. Это первая часть того труда о «Русском народе в борьбе с агрессорами», который, по Вашей мысли и желанию, я взял на себя. Вторая часть (о нашествии Наполеона в 1812 г.) частично уже разрабатывается мною.

Но — я всей душой стремлюсь приняться за третью и последнюю часть (о немецко-фашистской агрессии и ее позорном провале в 1941—1945 гг.). Я не хочу умереть, не успев закончить этого трехтомного

^а Карандашная приписка Е.В.Тарле: «См. 3 папки рядом».

труда, инициатором и вдохновителем которого Вы были. Может быть, и мне не удастся удовлетворительно выполнить задачу и дать научный и в то же время доступный широкой читающей массе рассказ о том, в самом деле ни с чем несравнимом подвиге, который совершил Советский Союз под Вашим водительством. До сих пор эта задача не удавалась ни одному из пробовавших за нее браться историков. Повторяю, может быть, не удастся и мне. Но я хочу посвятить остающееся мне время жизни этой попытке, — а мне уже 75 лет. Я буду торопиться, потому что сейчас советская историография обязана поскорее дать отпор бесчисленным фальсификациям войны 1941—1945 гг., выходящим в Америке, Англии, Западной Германии. Без поддержки партии и правительства, без доступа к нужным мне материалам — моя задача невыполнима⁹.

Работа, которую я теперь представил Вам (О шведском нашествии), пусть будет в Вашей личной библиотеке, даже если Госполитиздат будет продолжать делать попытки портить мой текст своими придирками и поправками и мешать появлению в свет этой книги в неискаженном виде¹⁰.

Сердечно Вас любящий и преданный Вам

Евг. Тарле

В левой верхней части письма резолюция И.В. Сталина: «К пл»[?]; («К ну»[?])¹¹

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 807. Л. 4. Копия. Машинопись.

Примечания

¹ Кутузов и Константинов — фамилии авторов критических рецензий, опубликованных в «Правде» и «Известиях». Как полагают, псевдонимы.

² Автор рецензии *Николай Никифорович Яковлев* (1898—1970) являлся не столько историком, сколько ответственным партийным работником. С июля 1943 г. он заведовал отделом школ ЦК ВКП(б). Одновременно с этой должностью Н.Н.Яковлев руководил работой Государственной библиотеки им. В.И.Ленина, кафедрой истории ВКП(б) в Высшей школе парторганизаций при ЦК ВКП(б), подготовкой аспирантов в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и, наконец, преподавал историю СССР в Высшей партийной школе. Столь многочисленное совмещение высоких должностей в одном лице указывает на Н.Н.Яковлева как на номенклатурного работника и «полномочного» представителя аппарата ЦК. Основной круг его научных интересов был далек от внешней политики России XIX века. Н.Н.Яковлев являлся специалистом по узкой историко-партийной проблеме. К 1945 г. в его научном арсенале числилась лишь защищенная в 1943 г. кандидатская диссертация «Большевистское подполье в тылу Колчака» (См.: История СССР. 1966. № 6. С. 222). Научное и должностное положение рецензента «Крымской войны» служит определенным свидетельством, что он выражал официальную линию партии. Как высокопоставленный партийный чиновник, Н.Н.Яковлев мог авторитетно представлять ЦК. Однако как историк он вряд ли по собственному почину взялся бы судить о состоятельности научных взглядов крупнейшего научного авторитета советской исторической науки. Без санкции свыше жестко критиковать в центральном теоретическом органе партии труд, одобренный самим Сталиным, было практически невозможно.

Доказательством того, что Н.Н.Яковлев являлся выразителем точки зрения ЦК может служить использование в статье некоторых положений проекта тезисов ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР», составленных по итогам совещания в ЦК в 1944 г. Это касалось партийных оценок о том, что Е.В.Тарле пытался оспорить вывод царской России как жандарме Европы», «неправильно и ненаучно» утверждал, «что главным фактором сопротивления советских войск гитлеровской агрессии являются огромные пространства нашей страны», ковал «свое идейное оружие» в «насквозь реакционной буржуазно-монархической школе Милоюкова». Указанные тезисы в открытой печати не публиковались и были известны только работникам Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Почти дословное совпадение текста статьи с партийным документом позволяет утверждать, что Н.Н.Яковлев знакомился с материалами совещания и пользовался ими при подготовке своей рецензии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 53, 55, 56, 58, 62, 63. Ср.: Яковлев Н. О книге Е.В.Тарле «Крымская война» // Большевик. 1945. № 13. С. 70, 72).

³ Жалоба Е.В.Тарле на необоснованность и недобросовестность партийной критики помогает, хотя и косвенно, уточнить некоторые моменты, связанные с ходом упомянутого совещания историков 1944 г. В настоящее время у историографов не сложилось единого мнения о заключительной части совещания. Речь идет о принятии итогового решения. Некоторые из современных историков считают, что ЦК принял постановление, которое было оглашено перед ученым собранием. В монографии Е.И.Чапкевича по этому поводу мы находим следующую посылку: «Александров перед закрытием совещания подготовил и огласил проект постановления «О недостатках научной работы в области истории», который предлагалось опубликовать от имени ЦК ВКП(б)». Тут же, со ссылками на РГАСПИ, приведены выдержки из указанного документа, осуждавшие научные позиции Е.В.Тарле (См.: Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 153). По мнению других исследователей, конкретного решения не принималось. Б.С.Каганович конец совещания описывает по-другому. В его интерпретации «секретари ЦК на совещании не выступали. В конце Щербаков пообещал, что ЦК обсудит итоги дискуссии и примет решение». В публикации И.В.Ильиной также нет указаний на то, что проект постановления оглашался в конце совещания (См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 83; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) / Публ. И.В.Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188-189).

Из письма Е.В.Тарле к Г.М.Маленкову можно усмотреть, что партийное резюме не афишировалось и о нем ничего не было известно в научных кругах. Для академика, и, как он сам отмечает, не только для него, критическая статья в «Большевике» была полной неожиданностью. Такое заявление, само по себе, говорит о том, что ученый находился в неведении относительно оценок его научных взглядов в официальных партийных документах. Следовательно, ничего не знал он и о наличии таких документов. Именно поэтому Евгений Викторович считал критические пассажи Н.Н.Яковлева ничем не мотивированными. Недоумение Е.В.Тарле, по-видимому, усиливалось и тем, что после критики его воззрений на совещании ученый уже разъяснял свою точку зрения в письме к А.С.Щербакову, в котором, ссылаясь на сталинские оценки внешнеполитической деятельности царской России, отвергал все обвинения в своей адрес (См.: Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 153). Возможно, к моменту опубликования статьи Н.Н.Яковлева историк полагал инцидент исчерпанным. Однако такое мнение оказалось ошибочным.

Объективно судить об этом дискуссионном вопросе можно по стенограмме совещания историков и проектам постановлений ЦК. Обратимся к этим документам. В официальной стенограмме нет никакого упоминания о принятии заключительного решения. Завершая работу совещания, А.С.Щербаков заметил, что «далее, вероятно, ЦК обсудит итоги дискуссии и, надо полагать, по ряду вопросов, которые здесь затрагиваются, будут даны историкам указания». На вопрос А.М.Панкратовой, когда они получат такие указания, секретарь ЦК ответить затруднился (РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 105.1. Л. 254).

Порядок разработки партийного решения удалось восстановить по сопроводительным запискам, приложенным к проектам итоговых документов. Из них явствует, что начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александров представил на рассмотрение А.С.Щербакова упомянутый Е.И.Чапкевичем проект постановления «О недостатках научной работы в области истории» 12 июля 1944 г. Резолюция секретаря ЦК достаточно красноречива: «Не годится». Доработка документа была возложена на заведующего отделом науки и вузов ЦК ВКП(б) Ю.А.Жданова, который переработал проект постановления Г.Ф.Александрова в тезисы ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР». Судя по сопроводительной записке, тезисы были направлены для утверждения А.С.Щербакову 14 августа 1944 г. В целом секретарь ЦК содержанием документа остался удовлетворенным. Такой вывод напрашивается после сравнения его с другим, более поздним, вариантом тезисов, составленным Ю.А.Ждановым в начале сентября 1944 г. и измененным только по форме, а не по содержанию (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 1, 11, 48).

Приведенные факты показывают, что партийное решение вырабатывалось в течение нескольких месяцев *после совещания*. Поэтому не выдерживает критики утверждение Е.И.Чапкевича о том, что решение ЦК оглашалось перед историками. Ведь заключительное заседание проходило 8 июля, а с упомянутым проектом постановления Г.Ф.Александрова А.С.Щербаков знакомился *на четвертый день после окончания совещания* — 12 июля 1944 г. Вряд ли Г.Ф.Александров мог делать какие-либо итоговые заявления без предварительного согласования их со своим руководством. Эта версия выглядит еще более убедительной потому, что первоначальный вариант постановления А.С.Щербаковым был забракован.

⁴ Речь идет о письме И.В.Сталина «О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма", которое было направлено членам Политбюро в 1934 г. и опубликовано в № 5 «Большевика» в 1941 г. Е.В.Тарле упомянул о нем не случайно.

Ссылка академика на сталинское письмо проясняет общую картину положения дел в исторической науке, отразившегося в частном вопросе о закрытости материалов совещания историков 1944 г. Историографы по этой проблеме придерживаются различных точек зрения. Е.И.Чапкевич отказ от публикации подготовленного постановления ЦК связывал со стремлением партийных верхов «выяснить позиции ведущих историков, с тем, чтобы спустя некоторое время навязать им сталинскую точку зрения, направленную на оправдание внешней политики царизма» (См.: Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 153).

Б.С.Каганович объяснял такое положение тем, что «в высшем руководстве еще не была выработана окончательная точка зрения» на поднятые в ходе совещания проблемы. По его мнению, «решение высшей инстанции, очевидно, было принято через год» и оно отразилось в статье Н.Н.Яковлева (См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 83).

Такой вывод видится нам более приемлемым. Скорее всего, итоги совещания историков 1944 г. в открытой печати не освещались из-за явного расхожде-

ния позиции ЦК со сталинскими выводами. «Великий кормчий» еще с 1934 года критически относился к энгельсовской характеристике внешней политики царской России. При этом вождь считал, что завоевательная политика «вовсе не составляла монополии русских царей», а была присуща «не в меньшей, если не в большей степени, королям и дипломатам всех стран Европы» (См.: Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 3).

Перед совещанием, в мае 1944 г., Г.Ф.Александров, докладывая своему руководству о положении дел в исторической науке, сетовал на недостаточную проработку и даже прямое замалчивание этих сталинских положений в работах советских историков (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 104). Такие оценки были неоправданными. Активным сторонником проведения в жизнь установок вождя был Е.В.Тарле. Его первое издание «Крымской войны» во многом строилось в подобной методологической базе. Впоследствии, когда историка упрекали в попытке ревизии положений Ф. Энгельса, он постоянно апеллировал к сталинскому выводу. Например, в письме к наркому просвещения В.П.Потемкину от 22 августа 1944 г. Е.В.Тарле прямо указывал, что «о выступлении 1934 г. все эти эпигоны и последыши Покровского старались уже забыть» (Архив РАН. Ф. 574. Оп. 4. Д. 58. Л. 3). Эта же тема затрагивалась и в упомянутом письме ученого к А.С.Щербакову, также написанном после совещания.

В послании к Г.М.Маленкову от 18 сентября 1945 г. Е.В.Тарле, как бы полемизируя с Н.Н.Яковлевым, обращал внимание высокопоставленного партийного босса на сталинские выводы. Конечно, при этом подразумевался не столько сам Н.Н.Яковлев, сколько аппарат ЦК, допустивший появление критической статьи в «Большевике».

Письма Е.В.Тарле в высшие инстанции, в том числе и к Г.М.Маленкову, свидетельствуют, что в Секретариате ЦК имели ясное представление о сложившейся ситуации. Для них не являлось секретом, чьи взгляды развивал Е.В.Тарле. Критика воззрений ученого рикошетом попадала в самого «Хозяина». Такое положение должно было быть учтено при вынесении окончательного решения по итогам работы совещания историков в ЦК. Согласование возникшей проблемы заняло длительное время. Разработанные Ю.А.Ждановым тезисы ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР» находились в производстве Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) вплоть до мая 1946 г., когда их сдали в архив (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 48). По всей видимости, руководство идеологического сектора ЦК так и не решилось опубликовать тезисы в полном объеме. Мнение высшей инстанции решили довести посредством частного выступления в виде критической статьи в «Большевике». К этому подвернулся и подходящий случай — очередное издание «Крымской войны» Е.В.Тарле. Хотя взгляды историка, изложенные в работе, критиковались в ходе совещания, она была вновь издана без переработки и дополнений. Поэтому ученого решили «поправить», и, заодно, таким способом, сориентировать историков в нужном направлении.

Позиция ЦК, несмотря на ее противоречие духу сталинских установок, на что обратил в своем письме к Г.М.Маленкову Е.В.Тарле, все же была обнародована. Б.С.Каганович такую непоследовательность объяснял текущими внешнеполитическими задачами Советского государства. По его мнению, «создание социалистического лагеря в Восточной Европе после 1945 г. нельзя было обосновать идеями русского великодержавия» (Каганович Б.С. Евгений Викторович Е.В.Тарле и петербургская школа историков. С. 83). Это и определило отношение партийных функционеров, вероятно, не без участия самого Сталина, к спору историков. Такое объяснение вполне логично. Представляется, что критиче-

екая статья в журнале «Большевик» преследовала цель не столько разоблачить «ошибки» Е.В.Тарле, сколько определить общую тенденцию в развитии советской историографии послевоенного периода. Однако, чтобы не дискредитировать вождя, открыто выступившего против основоположника марксизма, новую линию проводили подспудно, без прямых ссылок на Центральный Комитет.

⁵ Имеется в виду юбилей Академии наук СССР.

⁶ *Вышинский А.Я.* (1883—1954) — в 1939—1944 гг. заместитель председателя СНК СССР, в 1940—1953 гг. на руководящих постах в МИД СССР.

⁷ Подобные указания на свою полезность для идеологической работы партии и восторженные дифирамбы в адрес Г.М.Маленкова наглядно свидетельствуют, что Евгений Викторович чутко следил за отношением к своему творчеству в партийных верхах, всячески стремился подчеркнуть полную лояльность к существующему режиму и готовность к сотрудничеству с ним. Письмо должно было развеять возможные на этот счет сомнения. В связи с этим видятся не вполне обоснованными суждения о том, что историк, после критики, пересматривал свои научные взгляды «вынужденно, в разладе с самой собой» (Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 49).

⁸ *Городецкий Е.Н.* (1907—1993) — историк, в 1942—1949 гг. лектор ЦК, руководитель группы консультантов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

⁹ В некоторых современных биографических исследованиях о творчестве Е.В.Тарле медлительность историка с написанием последней части трилогии (о роли Сталина в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.) объяснялась принципиальным нежеланием академика прославлять исторические заслуги «великого кормчего». Так, по мнению В.А.Дунаевского и Е.И.Чапкевича, ученый, «не разделяя всеобщей... эйфории по поводу роли И.В.Сталина в Великой Отечественной войне... под различными предлогами уклонялся от этого требования». Учитывая свой возраст и возраст своего «покровителя», Е.В.Тарле «действовал по принципу известной притчи об эмире, Хадже Насреддине и его осле» (Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Навеки в памяти народной// Тарле Е.В. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994. С. 483). Настоящее письмо рисует другую картину. Как видно, Е.В.Тарле подробно информировал высокопоставленного адресата о своих настроениях и творческих планах. Возможно поэтому, в августе 1951 г., когда взгляды ученого в очередной раз подверглись жесткой критике, И.В.Сталин пошел навстречу ученому, предоставив ему страницы партийной печати для своей защиты (Подробнее об этом см.: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 98—100; Чапкевич Е.И. «Пока из рук не выпало перо...». С. 163—164; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 46—48 и др.).

¹⁰ Данный абзац письма выделен сбоку карандашом вождя, который обратил внимание на просьбу и жалобы историка. Косвенно это объясняет причину, почему Сталин оставил рукопись у себя.

¹¹ Содержание резолюции установить не удалось. Фраза оборвана на полуслове и может иметь различное прочтение (*К нл[енуму]*— ?; *К ну[нкту]*— ?). Незавершенность отдаваемого распоряжения служит дополнительным аргументом в пользу версии, что И.В.Сталин решил, в последующем, сделать о работе Е.В.Тарле самостоятельные суждения.